

КАВКАЗ

(LE CAUCASE)

**ОРГАН НЕЗАВИСИМОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ**L'adresse de l'administration : 10, rue de Plelo, Paris (15^e)

№ 10/46

ОКТАБРЬ 1937.

№ 10/46

СОДЕРЖАНИЕ :

Гайдар Баммат — Грядущий хам.
 З. Авалишвили — Гора языков.
 В. Оленин — Красные лампасы.
 Севериан Урушадзе — Логика истории
 и армяне.
 Тамбий Елекхоти — Испанские события
 и Москва.
 Шалва Амиреджиби — Паоло Иашвили.

Ген. Муса Паша Кундухов — Приложе-
 ния к мемуарам.

** — Дело аджарских заправил!

Обзор Печати.

Хроника.

Библиография:

Гр. Диасамидзе — Древняя армянская
 историческая литература.

27 октября 1937 г.

**ГРЯДУЩИЙ
ХАМ**

Драматические перепетии испанской гражданской войны и события мирового значения, развертывающиеся на Дальнем Востоке, отвлекают внимание европейских канцелярий и общественное мнения от внутренних процессов, происходящих в Советской России.

Правда, также неизменно, как биржевую хроника или бюллетень о погоде, газеты каждый день печатают кровавую статистику очередных расстрелов

“врагов народа” в “единственной стране осуществленного социализма”.

Но угроза военных осложнений в Средиземном море, принявшая вдруг столь реальные очертания и так близко каждого европейца касающаяся, не дает читателю ни досуга, ни охоты серьезно вдуматься в сокровенный смысл происходящих в Советской России сдвигов.

Средний европейский читатель, знаменитый “человек с улицы”, интересуется и остро интересуется только ролью Москвы на международной политике-

ской арене, где она ведет сложную, извилистую и опасную игру.

Этот интерес, конечно, в полной мере оправдан и исключительным значением советского фактора в откровенной подготовке общеевропейской войны и чрезвычайным влиянием Москвы на внутреннюю политику некоторых западно-европейских стран.

И тем не менее события, совершающиеся в недрах Советского Союза так значительны, их решающее влияние на будущие судьбы не только "одной шестой части земной суши" — так несомненно, что на них стоило бы остановиться...

**
*

В настоящее время кажется нет необходимости особенно настаивать на роли не русских национальностей Российской Империи в революции 1917 года и в гражданской войне, закончившейся победой большевиков.

Теперь уже никто не отрицает, что конечное торжество Ленина над Временным Правительством и над белыми армиями на всех внутренних фронтах было предопределено тремя поистине гениальными, лозунгами: "долой войну", "немедленный захват помещичьих земель" и "самоопределение национальностей вплоть до отделения".

Нам думается, что из этих трех лозунгов решающее значение имел последний.

Можно смело утверждать, что без помощи латышских батальонов Советская власть не сумела бы утвердиться в центрах.

Без помощи башкирских и татарских частей на сибирском фронте, без разва-

ла Кубанской армии, вызванного национальным движением Кубанского казачества, без упорной, кровопролитной войны, которую горцы Сев. Кавказа вели против "Добровольческой армии" генерала Деникина, — Советская власть не сумела бы выйти победительницей из гражданской войны.

Ленин отлично учитывал значение национального фактора в необъятной стране, где 50% населения не русского по крови, остро ощущало над собой исторический гнет русской государственной власти и жаждало не только социального раскрепощения, но и политического освобождения.

В связи с этим вся национальная политика Советской власти, которая никогда по существу не отказывалась, особенно в вопросах внешней политики, от империалистических задач исторической русской государственности, до последних двух лет, была построена на принципе **формального** равенства входящих в состав СССР народов.

Высшее руководство партии более или менее последовательно, особенно по началу, стремилось создать впечатление полного отказа от великодержавного русского шовинизма и безусловного признания за национальностями абсолютного равенства с русской нацией.

Внешнее выражение эти тенденции нашли в первых советских конституциях и в переименовании России в СССР.

На практике же в национальной политике Советов происходили постоянные перебои.

В союзных и автономных национальных республиках секретари местных коммунистических партий, весьма часто

(а в Средне-Азиатских республиках почти всегда) не местной национальности, были настоящими генерал-губернаторами от московского центра.

В их руках фактически сосредоточивались все нити управления.—конституционный же аппарат власти с ЦИК-ом и с Совнаркомом был лишь простым декорумом.

В наших изданиях, как и во всей издающейся за границей, прессе угнетенных Москвою народов не раз приводились примеры великодержавного хулиганства представителей "господствующей" нации на местах.

Понемногу союзные и автономные республики сделались настоящими русскими губерниями.

Но центр, по соображениям "вышей политики", еще долго считал необходимым сохранять фикцию равноправия...

Однако постепенная эволюция власти, все более отходившей от доктринальных предпосылок героических лет борьбы и сохранившая коммунистические ризы и интернациональные лозунги только для внешнего употребления, не могла не отразиться и на постановке национального вопроса.

Формальная брешь системе была нанесена сталинской конституцией, отнявшей в пользу центра целый ряд прерогатив, принадлежавших по прежним конституциям Союзным республикам.

С тех пор Москва повидимому решила больше не церемониться. Фактическое ущемление власти национальных республик и последовательная, ничем не прикрытая русификация во всех областях культурно национальной жизни идет полным и прогрессирующим ходом. Но последние три-четыре месяца

гонения приняли характер настоящего разгрома национальных республик.

Не осталось ни одной союзной или автономной республики, где не была бы обнаружена крамола, где высшие представители власти — все заслуженные "орденоносные" партийные деятели, в большинстве случаев бывшие проводниками Советской власти у себя на родине, — не оказались бы "буржуазными националистами", замышлявшими "оторгнуть их республики от СССР".

Что означают подобные обвинения и чем грозят они в "самой демократической в мире республике" общеизвестно.

Для иллюстрации достаточно сказать, что за этот короткий срок, не говоря уже о более мелкой сошке, было расстреляно одиннадцать председателей Циков и Совнаркомов, т. е. президентов Республик и глав Правительств.

Более или менее кровавая "чистка" была произведена в Азербайджане, Армении, Аджаристане, Грузии, Дагестане, Чечено-Ингушетии, Осетии, Украине, Белоруссии, Таджикистане, Узбекистане, Туркменистане, Казахстане, в Карельской, Бурято-Монгольской и Башкирской республиках, т. е. **во всех без исключения**, Союзных и многих автономных республиках.

Обвинения, предъявленные жертвам московского террора во всех национальных республиках одни и те же.

Едва ли злейший враг СССР мог бы дать более яркое доказательство окончательного разрыва власти с 80-миллионной массой нерусского населения Союза и более неопровержимое свидетельство смертельной тревоги перед стихийно нарастающей волной центробежных

сил в стране, чем то, которое заключено в этих стереотипно-повторяющихся штампованных обвинениях.

Сошлемся для образца на только что закончившийся "процесс" руководителей Аджарской автономной республики, обвиненных в создании "контр-революционной шпионско-повстанческой, террористической, диверсионно - вредительской организации", поставившей себе целью "свержение советской власти, отторжение от СССР путем вооруженного восстания и восстановление капиталистического строя под протекторатом одной капиталистической державы"...

По этому делу, повторяем, одному из многих ему подобных, было расстреляно восемь человек. Подробности его читатели найдут ниже.

**

На протяжении многих лет Москва кричала на всех международных перекрестках, что национального вопроса в СССР больше не существует, что разрешение этого вопроса, невозможное в капиталистических странах, является одним из величайших достижений Советского строя.

Хорошо достижение, если к 20-летию своему юбилею Советская власть вынуждена публично признать, что не остается на безпредельной территории Союза ни одной национальной области, где бы на самых верхах не свили себе гнездо "буржуазные националисты", поставившие себе целью в союзе с внешними врагами СССР отделение от Советского Союза.

**

Можно конечно считать, что поворот

сталинской диктатуры к примитивным формам русского квасного патриотизма находится в логическом соответствии с общим вырождением русской революции.

Отклонение политического маятника от предельных форм доктринального интернационализма к его отечественной противоположности так сказать явление нормальное в период ликвидации революции. В таком объяснении есть конечно доля истины. Но не вся истина. Дело не только в естественном для неудавшихся революций перерождении режима и обычном, в таких случаях, взрыве национального шовинизма, тем более дикого, чем первобытнее и некультурнее страна.

В "нормальных" условиях такая эволюция все же не носила бы такого универсального характера и не могла бы дойти до тех уродливых, поистине патологических, форм, которые характерны сейчас для Советских репрессий в национальных республиках.

Для того, чтобы понять все растущее остервенение Москвы, нужно, думается нам, прежде всего искать ключа в общей международной обстановке, во все сгущающейся вокруг Советов политической атмосфере.

С каждым днем, с каждой новой дипломатической неудачей — а советская дипломатия последние месяцы от одного поражения идет к другому, — все теснее сжимается роковое кольцо вокруг Сталинской диктатуры, все отчетливее вырисовывается смертельная опасность режиму...

Москва знает, что в грозный час расплаты 80 миллионов угнетенных народов Росси, давших некогда Советской

власти победу над ее врагами, с железом в руках искупят свое роковое заблуждение.

Москва знает, что этого священного часа искупления с жертвенной готовностью, с молитвенным восторгом, ждут на Украине, и на Кавказе, в Белоруссии и в Туркестане — и повсюду, где свирепствует сегодня советская опричина в поисках национальной крамолы...

Единственная надежда Москвы — ее последняя ставка на пресловутый русский ура-патриотизм, на погромный, животный патриотизм Гамзей Гамзеичей и чайных “Союза русского народа”.

Знакомая старая ставка! Все та же от Ростопчина до Каткова и от Мещерского до Сталина!

Ниже в статье В. Оленина читатели найдут несколько прекрасно изложенных мыслей и много красочных примеров в подтверждение и развитие этой темы.

К несчастью русского народа, к великому несчастью и нерусских национальностей подневольного Союза, которые ничего другого не желают как добрососедского сожительства с русским народом на равных началах, нужно опасаться, что чем ближе и неотвратимее придвинется внешняя опасность к Москве, тем более зоологический характер приобретет специфический военный патриотизм владык Кремля, тем громче и настойчивее будет власть обращаться к первобытным инстинктам несчастного русского населения, тем циничнее и грубее станет она взывать к первозданному хаму в душе русского человека.

Ибо только пробудив хамский урапатриотизм может еще надеяться Москва бросить обманутый русский народ на

защиту собственных своих палачей и насильников.

Начавшаяся вакханалия “судебных” и бессудных казней в национальных республиках обслуживает это зловещее задание Москвы.

Москва сознательно роет ров между великороссами и всеми остальными народами Союза. Эта преступная политика, продиктованная звериным инстинктом самосохранения лукавого властелина Кремля, способна серьезно осложнить проблему нормализации Востока Европы и после падения Советской власти...

Но фатального хода исторической Немезиды она не остановит.

Ров, вырываемый сегодня между русским народом и нерусскими национальностями красной империи окажется фатальным прежде всего для самой советской власти.

Он еще более углубит неистребимую ненависть угнетенных народов к Москве и укрепит их волю к независимости.

Едва ли теперь уже будет возможно добросовестно усумниться в том, что в случае внешней войны, все враждебные советской власти державы встретят самую активную помощь со стороны угнетенных Москвой национальностей.

Мы не думаем переубеждать тех неисправимых друзей советской власти, которым глаза даны для того, чтобы не видеть. У них имеются свои резоны, чтобы обслуживать Москву.

Но быть может совершающаяся в национальных республиках Советского Союза кровавая расправа раскроет глаза тем честным французским патриотам, которых гипнотизировала астрономическая цифра населения России — 165

миллионов! — эта цифра преподносилась им апологетами франко-советского пакта, как критерий мощи советского государства.

Может быть теперь они легче поймут условную ложь официальной статисти-

ки и, пока не поздно, сделают политические выводы, необходимые для безопасности и благоденствия этой прекрасной страны.

Гайдар Баммат.

3. АВАЛИШВИЛИ.

Гора языков

ОЧЕНЬ интересные факты сообщены в статье Азад бея: **Руссификация под флагом интернационализма** (Кавказ, сентябрь 1937 г.), однако в оценке их можно с ним кое в чем и расходиться. Речь идет главным образом о новом течении в деле выработки рациональных алфавитов для различных нерусских народов Советского Союза, в частности же племен Северного Кавказа (только о них здесь речь).

Еще недавно основой этих алфавитов были признаны буквы латинские; теперь же их заменяют русскими литерами. Получается алфавит руссифицированный или просто русский, открывается путь к руссификации и пр.

Правду сказать, дело все же не в алфавите. Русский алфавит, неоднократно применявшийся к горским языкам Кавказа и раньше, не повлек за собой чьейнибудь руссификации в настоящем смысле слова, т. е. превращения в русских. Точно также и латинский алфавит не означал и не может означать какой ли-

бо "латинизации" населения на Кавказе-ли или в Турции и т. д.

В языковом отношении, как известно, положение горцев особенно своеобразно. С точки зрения кавказской, т. е. если иметь в виду интересы культурного развития и политическую будущность его народов, беда вовсе не в том, чтобы какойнибудь звук какоголибо из местных языков или наречий графически изображался при посредстве буквы, русской-ли, латинской-ли, с хвостиком сверху или внизу. Нет, беда скорее в том, что с такою заботливостью стараются закрепить, зафиксировать и возвести в норму ту языковую пестроту, ту племенную мозаичность, преодоление которой, в сущности, и должно бы явиться целью ближайших поколений кавказских горцев. Без такого преодоления не может быть достигнута в нашу эпоху консолидация объединенной горской нации. Задача эта окажется просто непосильной и безнадежной, если искусственным путем каждый местный язык — часто кар-

ликового значения, всякий племенной говор или наречие превратятся в языки письменные; своим множеством и разнообразием они неизбежно будут тормозить усвоение, укоренение, распространение в горской среде того общего или, скорее, общих языков, без которых не может быть более сложных форм культуры, и нет национальной будущности. Важно ведь, чтобы такой общий язык давал возможность прочной связи не только между различными племенами, но также между их совокупностью и внешним миром; между горцами вообще и культурой тоже “вообще”. А таким языком является пока, с одной стороны, язык русский (такова уж география, и такова история!), с другой, язык тюркский. О турецком уже приходилось говорить на этих страницах. Относительно русского можно бы кое что прибавить.

Если бы даже все горские народы Кавказа, “от моря до моря”, приняли, в качестве общего языка, русский, в результате получилась бы по всей вероятности не “руссификация” в национальном смысле, но скорее, невиданное еще сплочение горских народов в одно целое: к действию их общих политических традиций, интересов и одинаковых устоев быта, семейного уклада и т.д. присоединилось бы объединяющее влияние языка, правда, не своего, чужого, однако, ставшего удобным орудием взаимной связи, взаимного понимания, а также общения с внешним миром. Но в действительности этого не произойдет, не может произойти. Ни малейших оснований нет предполагать, что исчезнут, например, чисто “горские” языки, имевшие уже и раньше значение за пределами определенной,

тесной, племенной среды, с которой каждый из них связан. Весь вопрос в том, чтобы преобладание получили и всюду вошли в обиход — не исключительно, но хотя бы частично — языки, уже являющиеся или могущие стать действительным орудием культуры, образованности, которую назовем условно “европейской”. Без этого никак не преодолеть племенной разобщенности, т. е. не достигнуть того, что диктуется всеми условиями современной политической жизни. Однако преодоление это выразится не в поглощении одних другими, не в уподоблении одних другим, т. е. ассимиляции, но в упрочении, расширении и углублении общеплеменного сознания и в надлежащей координации национальных сил.

Еще раз: было бы очень выгодно, если бы многоязычие всего Кавказа (“гора языков”) или, скажем, горского Кавказа можно было заменить одним общепринятым языком; если бы можно было сфабриковать и потом всем усвоить один общий язык, своего рода кавказский Эсперанто, хотя бы на основе местных и таких иноземных языков, как турецкий, персидский, греческий, латинский. Может быть, и наступят условия, которые позволят в будущем найти такое решение вопроса. В настоящее время это — химера.

Вопрос о языках, всюду на Кавказе сложный, ставится особо для горских народов, потому что ни один из туземных языков не имеет в их среде такого значения и такого распространения, каким пользуются в Грузии, Армении или Азербейджане языки грузинский, армянский или азербейджанский, каждый в

своей сфере. С разными оговорками можно утверждать, что эти южно-кавказские языки являются уже и в еще большей степени могут быть и будут, каждый в своей стране, языком культуры. Однако, ни один из них не получит, по всей вероятности, значения общего языка южного Кавказа. Международное положение занимает здесь пока — язык русский. Чтобы удовлетворить всем запросам современной жизни, языки национальные должны произвести еще над собой не малую работу. Нуждаются они и в восполнении подсобным общим языком. Однако и речи нет о том, чтобы языки эти были обречены на умирание. Напротив. В 80-ых годах прошлого столетия известный французский археолог-исследователь Жак де Морган предрекал постепенное превращение грузинского и армянского языков в захудалые местные патуа. В 1919 г. он же написал историю армянского народа и словословил его политическое возрождение. Вообще, все разговоры о неизбежном поглощении “малых” языков большими в наш век быстрых сообщений и всеобщего уравнивания оказались неоправданными. Число языков, на которых пишутся, например, ученые сочинения, значительно увеличилось со времени великой войны. На это даже сетовал не так давно умерший знаменитый французский филолог Антуан Мейэ. Было бы, повторяем, проще, если бы, например, весь Кавказ говорил одним языком. Однако, это абсолютно недостижимо, и ничего тут не поделаешь! Можно и следует бороться с другим: с искусственным размножением письменных языков, с преувеличенной оценкою языков племенных, не имеющих перспективы нацио-

нального и литературного роста. В этом отношении заразительно действовавший энтузиазм покойного корифея кавказского языкознания Н. Я. Марра, имел, пожалуй, и свои неудобства. Его живой интерес ко всяким отражениям в письменных языках идей и умственных навыков отдаленнейшего прошлого приводил неизбежно к переоценке, из за чисто научного любопытства, действительного, значения этих языков, к желанию любовно оградить их от чрезмерного давления на них языков более культурных, “национальных”. Племенные языки в его плодотворном воображении кишели всякими культурными сокровищами, пережитками глубочайших процессов, протекавших тысячи лет тому назад. Все это, т. е. восторги эти, имели, вероятно, свое основание; однако, кавказским народам так же мало смысла дорожить этим изобилием в их языках пережитков допотопных понятий, как мало им было лестного в том богатстве по части допотопных же юридических обычаев, которое так радовало в свое время любительское сердце покойного М. М. Ковалевского, и сбивало кое где на Кавказе с толка его поклонников, готовых чуть не гордиться “пережитками матриархата” и тому подобным наследием старины, в своем быту.

К сожалению, не существует способов рациональной организации такой страны, как Кавказ в языковом отношении. Возможно, однако, как мы сказали, воздержание от некоторых преувеличений, напр., в области охранения племенных языков. И возможны также усилия в деле насаждения языков общего значения, там где в них чувствуется недостаток, и в деле более полного приспособ-

собления живых культурных языков Кавказа к требованиям современной жизни.

Насколько сложны в этом отношении Кавказские условия, видно хотя бы из сопоставления их с Швейцарией, на которую так любят ссылаться, говоря о Кавказе. Здесь, в текущем году, получил признание в качестве языка государственного и равноправного с тремя другими, т. е. немецким, французским и итальянским (какие, кстати, языки!) еще четвертый язык, по значению совсем "малый", захудалый, а именно ладинский или рето-романский, латинского корня. Сколько таких языков пришлось бы "признавать" на Кавказе!

...Словом, опасаться "языка Ленина и Сталина", каковым теперь признается русский язык, нет оснований. Мы сами, кавказцы разных кровей, ведь пользуемся им здесь, на страницах "Кавказа". Что же касается того, что русский язык обозначают как "язык Сталина", то и в этом нет ничего удивительного, Сталин — во главе союза советских республик. Языковым "орудием" его "производства" является язык русский. Лесть диктатору обязательна. Значение его в глазах льстецов таково, что если уж говорить чтонибудь внушительное о русском языке, то ничего не придумать лучшего, как сказать: язык Сталина. Это бьет как обухом по всякому сопротивлению. Кроме того, вообще, с точки зрения политической, значение действительного "этнического" происхождения правителя не так уж велико.

И еще меньше играет роль, например, то каково произношение достигшим высшей власти языка для него не родного, хотя бы он им и владел впол-

не. Между тем на грузинский акцент Сталина кивают, например, часто иностранные корреспонденты, когда хотят показать, что умеют отличать чисто русское произношение. Но какое это имеет значение? Генерал кн. П. Багратион говорил с акцентом. Это не мешало дворянской Москве чествовать его как национального героя, в пику "немцам", о чем можно прочесть у Толстого ("Война и Мир"). Один Аллах знает, каково было арабское произношение черкесских властителей Египта.

Вообще, в отношении языков много бывает причудливого в политической жизни. Были годы, когда Ллойд-Джордж казался средоточием британской государственности. Тогда английский язык был, чего доброго, также и "языком Ллойд-Джорджа", хотя "природным" его языком, как известно, является тот, кельтский, которым говорят в Уэльсе.

Рассказывают, что во время решительных переговоров Ллойд-Джорджа с ирландскими уполномоченными, когда решалась судьба "вольного государства" Ирландии, ирландцы-делегаты имели возможность, не выходя из комнаты, совещаться между собою: они говорили по ирландски, на языке, которого никто не понимал. Случилось, однако, так, что и британский премьер, совещаясь с другим английским делегатом, заговорил с ним на языке, для ирландских его собеседников непонятном, — оба они, т. е. Ллойд-Джордж и его товарищ были уроженцами Уэльса. И что особенно любопытно, говорили они, империалисты, с полной свободой и беглостью, тогда как ирландские патриоты—"самостийники" объяснялись на своем языке с большим затруднением! Наиболее распро-

страненным “ирландским” является ведь... английский; но это не помешало Ирландии стать довольно таки свободной.

Вернемся, однако, еще раз к действительно поразительному многоязычию Кавказа. Уже здесь упомянутый, славной памяти, Н. Я. Марр связывал его, это многоязычие с разнообразными явлениями скрещивания, в различных комбинациях, различных этнических типов, что сопровождалось сложной мешаниной языков. Он намечал на Кавказе своего рода этногенетические лаборатории; одну, например, в “нагорной территории в бассейнах Чороха и верхнего течения Куры”. Этот район, столь важный в истории Грузии и Армении, а также, прибавим, Турции, представлялся ему, впрочем, ныне уже этнически “угасшим Везувием”. С другой стороны он придавал особое значение “гнезду скрещенных этнических типов” на северном Кавказе “с прихватом перевальных районов”. Третье: такое “гнездо” он усматривал на южной окраине Армении, и старался вникнуть в генезис кавказских племен с помощью анализа этих древних “скрещенных типов”. Однако, по мнению Марра, кавказские этнические гнезда имели большое значение и для “истории перерождений племенного состава населения” далеко за пределами Кавказа. В виде иллюстрации он приводит происходившее в течение веков и вплоть до новейшего времени “переселение вольное или невольное северных яфетидов Кавказа под общим названием — мамлуков, черкесов”... И с обычным для Марра внезапным взлетом мысли, он ставит вопрос “более сокровенный, более сложный и бесспорно неизмеримо большей

важности: не являлась ли вся кавказская гео-этническая единица, вся территория Кавказа мировым источником оплодотворения племенной природы человечества?”.

Бросается в глаза смелость этого прозрения, характерная для Марра. Но разве не легко увязываются с ним и некоторые новейшие догадки, частичные и пускай иногда любительские, о “чергасах” южной Украины, о происхождении основного ядра казаков и т. д.?

Вот в какие дали истории или, если угодно, в какие дебри гипотез и гаданий ведет размышление над природой и над причинами кавказского многоязычия.

Собственно говоря, ничего особенно приятного в этой славе “этнических оплодотворителей” сопредельных стран для кавказских народов не заключается. Подходя к прошлому с другой точки зрения, можно бы сказать, что теперь, растеряв на протяжении веков огромную часть своих драгоценных сил как раз в этих сопредельных странах, народы Кавказа оказываются сосредоточенными к северу и к югу от хребта, в более тесных пределах областей, ими ныне в действительности занимаемых. Здесь вот перед ними задача — устроиться так, чтобы Кавказ из выражения географического превратился в политическую идею и в государственную организацию. К этому ведет путь долгий и извилистый, он усеян и затруднениями, и жертвами. Шествуя по нему кавказские народы многое из лишнего своего багажа вынуждены будут бросить, а частью уже бросили: верования, предрассудки, иные обычаи, навыки, общественные и другие, при всей привлекательности об-

реченные на исчезновение в крутых условиях нашего времени. Готовиться надо не к идиллии, а к борьбе; и заботиться не о переживании живописного, бытового, традиционного, а о торжестве

целесообразного, организованного, современного. И это — во всем... не исключая языков.

З. Авалишвили.

В. ОЛЕНИН.

Красные лампасы

В “ДОБРОЕ старое время” в дореволюционной России на всяких официальных банкетах, полковых праздниках, сановных юбилеях — принято было первым тостом пить здоровье Государя Императора, — впрочем, формального обязательства тут не было. Но что такое этот одинокий тост в честь монарха по сравнению с тем обязательным чинопочитанием, с тем строгим этикетом, который наблюдается сейчас в стране “свободных” Советов?

Когда в Большом кремлевском дворце в конце августа чествовали вернувшихся в Москву полярных летчиков, то заведывавший речами академик Шмидт (по кавказски выражаясь — это был “тамада” или “тулумбаш”) прежде чем перейти к героям торжества должен был провозгласить в порядке последовательности следующие официальные тосты:

- 1) За руководителя всех верных сынов советского народа — Сталина;
- 2) За главу советского правительства Молотова;
- 3) За председателя ЦИК-а Калинина;
- 4) За наркома обороны Ворошилова;

5) За наркома Кагановича;

6) За заместителей председателя совнаркома Чубаря и Микояна.

Вот какую сложную процедуру застольного чинопочитания должен проделать заведующий банкетом советский гражданин прежде чем перейти к самому чествованию, так сказать — к существу дела.

Кстати попутно интересно отметить, что рекорды полярных полетов и в частности полета без спуска очень серьезно оспариваются. Издающаяся в Париже еженедельная русская газета “Возрождение” в одном из сентябрьских номеров за авторитетной подписью инженера Макшеева в статье “Полет фантазии” подробно приводит мнение очень серьезного английского специального журнала “Аэроплан”, доказывающего цифрами и вычислениями, что советские аппараты того типа, на котором совершены были перелеты Москва-Ванкувер и Москва-Лос-Анжелос, не могли покрыть расстояния без остановки и пополнения резервуаров, и что у большевиков имеется хорошо оборудованная предполяр-

ная база на острове Рудольфа, где аппараты эти должны были неминуемо снижаться и оставались от пяти до девяти часов. Эти рассуждения английского журнала чрезвычайно интересно прочесть, — цифры, вычисления и логические выводы представляются совершенно несомненными, так что инж. Макшеев заканчивает свою статью, следующими словами: “даже в таком вопросе, как авиационный спорт, большевики не могут обойтись без рекламной лжи, забывая, что ни науку, ни технику надуть нельзя, и попадают в своем мошенничестве, как скверные шулера”.

Но попадают уже потом (добавим мы от себя), когда первое впечатление свое сделало, вопрос отошел вдаль, а лживая реклама удалась и в широких кругах всего мира благоприятный след оставила.

В качестве национальных героев полярные летчики считают теперь своим долгом, подобно прежним первым “стахановцам” (тоже в свое время очередная реклама уже в значительной мере отжившая) торжественно реагировать на различные внешние события, являясь так сказать, передовыми застрельщиками российских патриотических выступлений.

По поводу потопления неизвестными подводными лодками советских пароходов “Тимирязева” и “Благодеева” Громов счел необходимым прислать из Ленинграда, где он тогда находился, открытое письмо в московские газеты: “Я и мои товарищи по перелету Москва — Северный полюс — Америка, глубоко возмущены пиратскими действиями обнаглевших фашистов, — мы готовы, если враг будет продолжать свои агрес-

сивные действия, нанести ему сокрушительный удар”. Еще энергичнее и грознее говорит Чкалов, телеграфирующий из Нижнего Новгорода в Москву: “Пусть знают руководители фашистских стран, что по воздуху от Москвы до их столиц значительно ближе, чем от их столиц до Москвы”.

В упоении славы г.г. советские летчики особенно напевают в этом своем боевом тоне, — если уж такие, мол, знаменитые герои грозят репрессиями, то, конечно, фашистам не сдобровать и остается только отказаться от всякой борьбы.

Этот вообще тон — боевой, заносчивый и наглый, тон прежнего “квасного” патриотизма — он сейчас чрезвычайно характерен для нынешней советской России, — звучит опять во всю все тот же старый знакомый лейт-мотив “шапками закидаем!” Перечтите, например, любую речь Ворошилова, — сколько в ней и намеренного и, так сказать, нутренного залихватского бахвальства.

Но Россия легко “закидывает шапками” только там, где имеет перед собою врага — безоружного, да еще раз в сто по численности меньшего, а там, где ей приходится иметь дело с настоящим серьезным противником, она не только шапками, но и снарядами закидать не может и не умеет. Цену этого бахвальства узнали мы в свое время и на Дальнем Востоке — в Манчжурии и в Цусимском проливе, и на западных границах — в Польше и в Восточной Пруссии, во время великой войны. Советская власть, конечно, много осторожнее, и от слов к делу у нея дистанция большая, но если бы действительно под ворошиловским и громовским бахвальством она

сознавала свою подлинную военную мощь, разве могла бы она не вмешаться открыто в японо-китайский конфликт, где победа Японии неминуемо отбросит ее далеко от берегов Тихого океана?

Тем не менее в настоящее время в смысле руководящих в стране чувств, настроений и соответствующих им слов, писаний и даже действий — элемент национально - великороссийский и именно с уклоном в “ура-патриотизм” самого “квасного” бахвальства, выпирающего наружу, как истинно русская квасная пена, — этот элемент охватывает и проникает всю господствующую стихию активной общественно - государственной жизнедеятельности. И власть, и созданные ею активные круги советской общественности ищут точек опоры на старых путях былого российского великодержавия, на исторических корнях московско-петербургского объединения и захвата.

Карл Маркс, и Ленин — это теперь, в их более или менее подлинном, правоверном виде, товар уже не для внутреннего потребления, а только для экспорта, да и то с приспособлением к государственным интересам России, чтобы по возможности ослаблять и вести к раздорам другие государства, — у себя же не только чистый коммунизм, но даже и словесная его оболочка с каждым днем теряют всякое значение, вес и популярность, — это какие то уже совсем бледные и тусклые тени былых когда то ярких иллюзий.

Теперь поощряется и даже требуется другое, — весь “пафос” перенесен в иную область. Захлебываясь от восторга, расписывают газеты воинские маневры и

в первую очередь, конечно, доблесть и молодцеватость казаков.

Ведь казаки и в прежнее время выдвигались всегда на первое место, как самая декоративная, своеобразная, приносящая одной только России воинская часть. Уже почти три столетия были они авангардом российского империализма, и в военное, и даже в мирное время, на всех почти государственных окраинах, и в этой именно роли их знают и помнят и в Европе, и в Азии. Руководителям политического течения, которые с полным правом исторического обоснования хотят восстановить былую до-московскую независимость действительной казацкой самобытности, приходится поневоле бороться с полным непониманием в среде иностранцев: с понятием казака слишком уже сроднился здесь в Европе образ самого типичного для России, самого ее верного передового бойца.

Советская Россия, вопреки всем былым декларациям государственного федерализма, тоже сейчас в своих новых патриотических конвульсиях выдвигает резко вперед все тех же казаков, которые так долго считались опорой престола и монархического режима.

“Комсомольская Правда”, которая, казалось бы, как показывает самое ее название, должна говорить и напоминать о задачах и об осуществлении коммунизма, что ни день славословит теперь воинскую доблесть и военную выправку казаков. Да и как же не славословить, когда на ежедневной вечерней проверке какого-то там из казачьих полужэскадронов торжественно выкликают имя Сталина, на что в порядке очередного рапорта получается ответ:

“Почетный казак первого эскадрона

Иосиф Виссарионович Сталин находится в командировке при ЦК ВКП".

Вот какой теперь титул присвоен вождю мирового мирно трудящегося пролетариата. Игра "в солдатики" сейчас самая модная в стране осуществленного социализма. О, как далеки мы ныне в России от наивных буколических времен проповеди пацифизма!

"Комсомольская Правда" продолжает о казаках на маневрах:

"Вчера ходили на разведку. Лампасы и красные околыши мелькали в лесной чаще, далеко в тылу противника. Отряд удалось подобраться незаметно к врагу на сотню метров. — Шашки к бою! в атаку марш-марш! — звонко крикнул молодой командир, и отряд, размахивая шашками, стремглав налетел на противника" и т. д. и т. д. в том же воинственном духе. Теперь такие патетические описания воспроизводят не столько какие-нибудь заседания или митинги, — теперь этот пафос приурочен к военно-патриотическим темам.

Те же директивы и настроения встречаем мы и в деле школьного преподавания, в подготовке молодежи к предстоящему служению своему отечеству.

Старые марксистские учебники отечественной истории оказались уже неподходящими, был назначен конкурс, но и тут авторы всех 46-ти новых учебников не доценили изменившихся требований, и правительственная комиссия приняла из них только один, да и то "условно", т. е. с изменениями и дополнениями.

Чем же провинились авторы? Они, оказывается, игнорируют "прогрессивную роль монастырей в первые века после крещения Руси", они не дают пра-

вильной оценки победе Александра Невского над тевтонскими рыцарями на льду Чудского озера, они не понимают великого народного дела Минина и Пожарского (как известно, добавим от себя, дело это, положив конец Смутному времени, привело к избранию на царство Романовых), не понимают самоотверженного подвига Ивана Сусанина (спасшего царя), не видят положительной роли Богдана Хмельницкого (присоединившего к Московскому государству Украину), не оценивают, опять таки в положительном смысле, перехода Грузии под протекторат России и т. д. и т. д. в том же духе. Вот каковы сейчас педагогические требования для российской истории в стране 3-го интернационала. Но ведь это уже программа дореволюционного министерства народного просвещения.

Параллельно со всем этим, теперь же, нынешним летом, было организовано празднование 125-летней годовщины Бородинского боя, — была тщательно отремонтирована дорога от Москвы до Бородина, восстановлены существовавшие памятники, исправлены на них надписи, организованы экскурсии красноармейцев, комсомольцев и школьников к месту битвы. Газеты писали хвалебные статьи о непобедимости русского оружия, и о "героических жертвах жизнью за родную землю". Правда, главнокомандующего Кутузова Смоленского еще не называли ни князем, ни графом, но сотрудник "Вечерней Москвы", очевидно от избытка чувств, все же оговорился, указывая, что был смертельно ранен командир 2-й армии князь Багратион.

Вот куда повернула и продолжает поворачивать, и как далеко повернула

уже — нынешняя советская власть, возглавляемая все тем же хитрым горийцем — вождем самого главного в мире интернационала и почетным казаком лучшего первого эскадрона. (Мне уже приходилось говорить, что Сталин двуглав, как геральдический орел былой императорской России).

Неудивительно, конечно, что российская революция привела в своем течении к этим почвенным настроениям, ведущим прямым рейсом к явному и для всех опасному великорусскому шовинизму, — это вообще характерно для таких глубинных революций — удивительнее, что ее до сих пор возглавляет (при столь бездарном русском безлюдьи) “окраинный” гориец чужеродной национальности, всем опытом своей прошлой деятельности выросший в международную среду активного марксизма, но самое, конечно, удивительное тут то, что эта корявая, ощетинившаяся, показывающая кулаки, бахвальствующая Россия, с ее угрозами всяких Громовых и Чкаловых, с ее лампасами и цветными околышами, считается и остается по-прежнему какой то “обетованной землей”, где, якобы, осуществляются идеалы мирового социализма. Удивительно то, что ее до сих пор с сектантской рьяностью защищают такие люди, как Вандервельде или Ромен Ролан, вкупе со всякими пацифистами и искателями истины, и что атестат на звание передового мыслителя требует прежде всего записи в “друзья СССР”. Неистовые, перезрелые дамы, вроде писательницы

Карин Михаэлис, в своем критическом противобуржуазном раже затянувшегося критического возраста, впадают в настоящую истерику восторга, когда читают и слышат обо всех славословиях московским достижениям. И начинают славословить сами. Такова сила “левой” мировой рекламы.

А хитрый гориец вероятно ухмыляется в свои щетинистые усы.

И вот почему он не может изменить своей внешней политики. Там, у себя дома — что угодно, но во вне Москва не смеет отказаться от питания марксистских революций, от борьбы в Испании, в Китае, везде, где только можно, — вообще от задач великой международной революции и коминтерна. Сталин знает, что он делает, доверяя представительство России Литвиновым и Сурицам, потому что если завтра эта Россия открыто объявится страной национального бонапартизма, она тотчас утратит свою нынешнюю, столь ей выгодную репутацию “обетованной земли” передовых достижений, священного социального Ханаана. Это будет просто на просто еще один новый в мире “фашистский агрессор”, к тому же окончательно разнuzданный и полудикий.

Но, конечно, рано или поздно раскроется и этот обман, — Россия предстанет тогда в своем естественном обнаженном виде, — и все старые девы, пока еще прельщаемые российскими красными лампасами, ахнут и стыдливо отвернутся.

В. Оленин.

СЕВЕРИАН УРУШАДЗЕ.

Логика истории и армяне

КНИГА французского автора Жоржа Голиса "Проблемы Востока", где уделено не мало внимания армянскому вопросу, в свое время оказала значительную услугу французской политической мысли, ознакомив Францию со многими ближне-восточными проблемами. В настоящее время она вновь приобретает несомненную актуальность, так как впервые, кажется, этим авторитетным политическим писателем была предана гласности действительная роль России в трагической судьбе армян и даже в поддержке тех репрессий которым они подверглись в Турции.

Автор подробно разбирает всю армянскую проблему, останавливаясь на происхождении и развитии армяно-турецких отношений. Армянское население до середины 19-го века было в Турции преимущественно земледельческим, и лишь во второй половине в связи с проникновением европейского капитала, главным образом английского, вступило на путь торгово-промышленной деятельности, требуя одновременно значительно более широких политических прав. На этом дело не кончилось. Щедрое дарения разбогатевших армян и национально организующая роль духовенства пробудили стремление к политическому самоопределению.

Вот тут-то стремления эти и получили к концу века новый ободряющий толчок. Армяне были очень взволнованы

фактом образования Болгарии в результате так называемой освободительной войны балканских славян, руководимых и поддержанных Россией. Они верили, что в самом близком будущем державы займутся их судьбой, так как по Берлинскому договору 1878-го года их положение в Турции было поставлено под контроль главных европейских держав, в том числе, конечно, и России. Конфессиональный принцип защиты христиан, как принцип на словах безкорыстный, выдвигался, разумеется, на первое место.

С этого момента армянский вопрос делается вопросом большой европейской политики, вызывая соревнование и борьбу влияний — главным образом английского и российского. Армянское национальное движение приобретает организованный характер не только внутри Оттоманской империи, но и вне ее — в международном масштабе, основываются комитеты с целью изыскания необходимых средств, и все это движение возглавляется вновь избранным армянским католикосом Измирлианом, жалобы которого на турецкие притеснения привлекают внимание общественного мнения не только в Европе, но даже в Америке.

Одновременно с этим политика России, очень обнадежившая армян во время русско-турецкой войны, давшая толчок их волнениям, стала резко меняться. Можно сказать, что избегая новых

осложнений, Россия армян покинула. Главную свою надежду армяне стали тогда возлагать на англичан, выдвигая себя, как проводников и защитников английских политических и экономических интересов в Турции. Но и тут они ничего реального не добились. И когда, в виду всего этого, турецкое правительство султана Абдул Гамида стало рассматривать армян, как врагов, и ответило самыми крайними репрессиями, никакие жалобы и обращения к мировому сочувствию ничего реального армянам не дали. Сочувствие — сочувствием, а помощи никто не оказал, так как ничьи интересы существенно затронуты не были. Россия же, находившаяся тут по соседству, и наиболее, конечно, заинтересованная, сама стала рассматривать армян, как опасных мятежников и революционеров. Идеологически она была на этот раз на стороне государственных репрессалий Турции.

Дело ограничилось даже не одной только идеологией. Это именно Россия всячески противодействовала осуществлению какой бы то ни было сочувственной армянам официальной демонстрации держав, которую одно время имела в виду Англия. В этом смысле Россия старалась воздействовать и на Францию, и на Германию, так что английская инициатива поддержана не была.

Это объясняется тем, что разочаровавшись в овладении Константинополем по путям балканских славян, Россия выбрала другой путь к южным морям и Босфору — через Малую Азию, тут она естественно опять сталкивалась с Англией и стараясь побороть ее влияние в Турции, не задумываясь пожертвовала

армянами. Она даже закрыла свою кавказскую границу для армянских беженцев. Армяне все это сами хорошо знают и помнят. Корреспонденты английских газет так прямо и писали — о русско-турецком едином фронте. Роль России на Кавказе и была, и остается в очень значительной мере предательской, и в частности армяне пострадали, пожалуй, более других, потому что более доверяли и шли навстречу русской политике.

Но теперь, наученные горьким опытом прошлого, кавказские народы в большинстве пришли уже к ясному пониманию своих национальных интересов, диктующих им необходимость взаимного соглашения для независимого существования и совместной обороны прежде всего от посягательств России. В сущности другие оборонительные вопросы сейчас актуально и не ставятся.

Но ведь армяне живут в самом центре Кавказа, а не на планете Марс. Почему же отказываться от тесного участия в деле своих соседей и не работать в интересах той единственной возможности, которая представляется на Кавказе для окончательной ликвидации армянского вопроса, в тех пределах, какие могли бы быть достижимы по соглашению со своими естественными соседями?

Никак нельзя согласиться с мнением тех армянских вождей, которые считают, что армяне, находясь в каком-то особо деликатном и трудном положении в своих взаимоотношениях с Севером и Югом. Разумная и правильно понятая политика всегда должна быть гибкой и диктоваться логикой фактов, — она не может раз на всегда исходить

из обветшалых, и часто ошибочных, неоправдавшихся понятий и надежд, которые уже принадлежат отжившей истории.

Нынешнее систематическое уклонение армян от всякого участия в совместной политической работе со всеми другими народностями Кавказа может в конце концов привести армян к совершенной утрате их политических прав, чего мы вовсе не желаем.

К тому же задача освобождения от ига Москвы не ограничивается одними только пределами Кавказа, — на том же Севере, смежном с нами, и далее — есть

у нас в этом отношении союзники — и Украина, и значительная часть казачества и другие уже не славянские народности. Что же касается Юга, то здесь теперь не старая Оттоманская империя, с ее идеями панисламизма, и здесь логика фактов должна подсказать армянам новые решения.

Но каковы действительные стремления армянских политиков, и есть ли у них вообще выработанная реальная программа?

Сегодня еще время терпит, но уже завтра может быть поздно.

Севериан Урушадзе.

ТАМБИЙ ЕЛЕНХОТИ.

Испанские события и Москва

АТМОСФЕРА, созданная вокруг испанских событий, придает этим последним значение, далеко выходящее за рамки чисто испанских дел. Никто не поручится, что эти события, выйдя за пределы Испании, не отразятся на делах Европы и на взаимоотношениях европейских держав. Для Кавказа, соединяющего Азию с Европой, поэтому не безразлично то, что происходит в Европе, хотя бы и на самой противоположной западной ее оконечности. Представляется поэтому своевременным несколько внимательнее остановиться на испанских событиях. Это тем более не бесполезно сделать, что активное участие со-

ветов в делах Испании общеизвестно, а это обстоятельство как будто бы нас, несмотря на дальность расстояния от Испании, особенно приближает к ней. Ни для кого не составляет секрета, что Москва уже много лет занимается внутренними делами Испании. Большевики надеялись ее легко советизировать. На возможность советизации Испании указывал в свое время и Ленин. Существенная помощь оказывалась большевиками не только испанской коммунистической партии, но и всем другим антироялистским группам. Дело, как известно, кончилось победой республиканских групп в конституционном порядке. Ко-

роль отрекся и к власти пришло коалиционное правительство, оказавшееся неспособным справиться с положением в стране. Опытные агитаторы, всегда располагавшие большими средствами, продолжали подрывную работу, сознательно стремясь к классовой войне. С каждым днем все чаще и чаще хроника событий регистрировала кровавые эксцессы против духовенства, офицерства, учащались поджоги церквей, монастырей и музейных памятников страны. Сидя здесь в Париже и читая хроника этих событий, самые рядовые эмигранты пророчествовали, что Испания идет к гражданской войне, Испания катится к большевизму. Действительно, было сделано все чтобы разбудить совесть национальной Испании и... гражданская война стала фактом. Европа спокойно встретила известие об испанской революции, считая, что это внутреннее, домашнее дело испанского народа. Ведь революция в России продолжается уже 20 лет, как будто не выходя за пределы России. Предположения эти не оправдались. Причин тому много. Здесь столкнулись воинствующий марксизм, за которым стоит Москва, а стало быть опасность залить Запад красными волнами, а с другой стороны фашизм, мировое значение которого особенно возросло после присоединения Эфиопии. Последнее обстоятельство серьезно усилило позицию Италии на мировых морских путях. Прежнее соотношение сил в бассейне Средиземного моря нарушено. При таком стечении обстоятельств Испания приобретает особо важное значение в политике держав Европы. Советская Россия в этих событиях играет весьма активную роль, хотя ни о каком

военном соперничестве России с кем либо на Средиземном море не может быть и речи. Позиция Советской России в испанских событиях известна. Она стоит за отмену всякого контроля испанских границ и за открытую помощь испанскому "республиканскому" правительству, как "законно" избранному.

Такая позиция, если бы она была принята другими державами, легко могла бы привести к европейской войне, где этой позиции резко противостояли Германия и Италия.

Большевики, стало быть, в испанском вопросе, определенно преследуют цель вызвать военные осложнения в Западной Европе.

Зная природу московского правительства, как авангарда мировой революции, можно с большей или меньшей уверенностью утверждать, что подрывная работа большевиков и в Лиге Наций и в комитете о невмешательстве преследует троякую цель.

1) По большевицкой стратегии, как мы знаем, всякая война в настоящее время должна привести к революции. Внешняя война превратится в войну классов. Как известно, в этом заключается цель существования московской власти, если бы возможные события приняли такой оборот.

2) Война на Западе на много лет избавила бы Москву от германской опасности.

3) И, наконец, стремясь навязать Лиге Наций и Комитету о невмешательстве свою концепцию по испанским делам об оказании помощи испанскому "республиканскому" правительству и об отказе в признании ген.Франко воюющей сторо-

ной, Москва, по нашему мнению, думает и о собственном самосохранении.

Сидя как бы на пороховом погребке, Москва, разумеется, ждет, что рано или поздно в СССР начнется новая внутренняя война. Ее может начать русский народ, чтобы сбросить ненавистный режим, ее могут начать и угнетенные народы СССР, в первую голову Украина, Кавказ и Туркестан. Если бы большевикам удалось навязать державам свою концепцию об отношении к испанским борющимся между собой силам, то это создало бы для них весьма важный прецедент, так как Советское правительство само не сегодня-завтра может очутиться в положении испанского "республиканского" правительства и когда грянут события в СССР, на основании такого прецедента, Москва могла бы требовать от держав поддержки против всех народов в СССР, которые рано или поздно поднимутся для своего освобождения от московского ига. Таким образом, позиция большевиков в Лиге Наций и в Комитете по невмешательству преследует цель, с одной стороны — зажечь пожар в Европе, а с другой — создать затруднения для народов СССР в их борьбе за свое освобождение.

Марксистская стратегия очень часто во многих странах одерживала победу. Объясняется это главным образом неорганизованностью национально мыслящих кругов. Отчасти неорганизованностью этих элементов объясняется и успех народного фронта в некоторых странах. Но в международном масштабе московским мечтаниям прегражден путь в лице фашизма и германского национал-социализма. Испанские события привлекают к себе особое внимание именно

тем, что они могут привести к столкновению эти два враждебных друг другу идеологических фронта. Мы думаем, что между этими силами компромисса не будет, а испанские события показали, что мирное сосуществование коммунизма-марксизма и режима, основанного на уважении частной собственности и инициативы, по крайней мере на одном и том же континенте невозможно. Теория такого сосуществования, пущенная Москвой, оказалась троянским конем, на котором Москве удалось проскользнуть в сердце Европы и прочно обосноваться в Лиге Наций и в некоторых странах западных демократий. Угроза возможности столкновения этих двух фронтов может стать реальной, вот почему испанские события интересуют нас самым непосредственным образом. Победа стран интегрального национализма, если бы она случилась, первой своей задачей будет иметь ликвидацию российского великодержавного мессианства. Покуда эта роль России, белой или красной, будет жива, мир не будет гарантирован от великих потрясений. Отказаться же от этой роли Россия не может покуда она владеет над многими миллионами не русских народностей и 1/6 частью земли.

Таким образом ход исторических событий, как мы думаем, неминуемо поставит в порядок дня не только проблему независимости народов, силой штыков удерживаемых по сей день под властью Москвы, но и проблему обеспечения их независимого существования. При таком положении вещей, нет как будто бы вопроса о нашем отношении к каждой из этих враждующих сил. Он совершенно ясен.

Тамбий Елекхоти.

ШАЛВА АМИРЕДЖИБИ.

Паоло Иашвили

НЕМЕЦКИЕ газеты сообщили, что грузинский поэт Паоло Иашвили, во время обыска у него на квартире в Тифлисе и после предложения агентами ГПУ — следовать за ними, не пожелал выполнить требование их и застрелился тут же на глазах у чекистов.

Подобные обыски были произведены и у других писателей и теперь они отсиживаются в подвалах чека, в ожидании над собою суда, быть может, не очень ласкового.

И покончивший с собой Паоло и многие из арестованных писателей были писателями “орденоносцами” в Грузии, ставшей, “посмертно”, как известно, тоже “орденоносной”.

В чем вина Паоло, в чем вина остальных грузинских писателей неизвестно и вряд ли она существует, ибо политикой они не занимались, хотя в коммунистическую партию были записаны почти все.

Но ребяческих грехов за Паоло водилось много и он умел заставлять публику говорить о себе.

Прежде всего, называл он себя Паоло — именем, если в глазах большевиков не всегда фашистским, то, во всяком случае, итальянским.

Во время декады грузинского искусства в Москве, Сталину был представлен и Паоло. Вся несуразность коммунизма в том, что теперь оба они были членами одной и той же партии. Они

походили друг на друга так, как костью клюв павлина на его пышный хвост, из разноцветных перьев. Всегда простой в обращении Сталин не мог не заметить, что у всегда пышного и красочного Иашвили и имя было какое то негрузинское.

— Почему же, все таки, ты Паоло? — спросил его диктатор. — От роду не слыхал, чтобы в Грузии люди назывались так. У нас есть имя Павлэ или Павлиа, но не Паоло...

Торжественный Паоло Иашвили, по метрической записи, действительно, Павлэ, а не Паоло, сдался и стал подписывать свои стихи как Павлэ Иашвили.

Это было если не крещением, то “национальным самоопределением” грузинского символизма, столь связанного с именем Павлэ Иашвили и столь похожего на русский, из России он проник в Грузию, как об этом писал у нас недавно В. Оленин.

Этому грузинскому символизму было почти столько же лет, сколько и “великой русской революции”. Появился он во время великой войны, креп за годы меньшевизма, и 25 февраля 1921 года, в день, когда русская красная армия занимала Тифлис, он оказался единственной “организованной” общественной силой Грузии, которая встретила красные войска у ворот города.

Это не преувеличение. Меншевицкая власть улетучилась с такой поспеш-

ностью, что она не оставила даже своих заместителей, могущих позаботиться о судьбе покинутого города. Паоло с несколькими друзьями и были теми "старцами" города, которые отважились встретить победоносную армию Ленина. Встреча была мало патетическая. Паоло держал наскоро изготовленный, неуклюжих размеров, красный флаг, а два или три его ассистента молчаливо поддерживали его щекоотливую отвагу. Не было даже тех "грузинских" большевиков, относительно которых, потом, советская пресса так много писала, что это они учинили "внутренний" переворот и пригласили красную армию в Грузию. Красные войска вступили в Тифлис.

В эти дни Паоло мчался от знакомого большевика к незнакомому большевику, прося и уговаривая их, чтобы банды красной армии не занялись бы грабежами церквей, музеев и учреждений.

В эти же дни удалось ему получить от новых властей для "общества грузинских писателей" прекрасный особняк Д. Сараджишвили, один из тех грузинских домов в Тифлисе, где, в недавние еще времена, у просвещенного, богатого и щедрого на грузинские дела хозяина бы-

вали Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Нато Габуниа - Цагарели, Гуго Габашивили и вообще весь цвет грузинского общества.

С тех пор прошло семнадцать лет. За эти годы Грузия волновалась, устраивала восстания, большевики расстреливали грузин, одни уходили в ссылку и эмиграцию, другие становились коммунистами, издавали книги, строили дома, мосты, дороги, цитрусовые рощи, было обещано осушить все болота и истребить всех комаров... но болота остались болотами и большевики лишний раз доказали, что им легче истреблять людей, чем комаров.

Рассказывают о последних словах Паоло Иашвили, обращенных к агентам ГПУ, перед тем как застрелиться:

"Я первый принимал красную армию в Тифлисе, я воспел Ленина и Сталина, я стал коммунистом. Теперь вы хотите, чтобы я перестал быть грузином. Этого я не могу!"

Так счастливо объединены бесчисленные народы со старой историей и древней культурой под эгидой большевистской Москвы.

Ш. Амиреджиби.

Приложения к мемуарам ген. Муса-Паши Кундухова

КАК мы уже указывали в № 8/44 "Кавказа", ген. Кундухов приложил к своим воспоминаниям несколько переписанных его рукою документов, которым видимо придавал известное значение. До-

кументы эти далеко не равноценны по своему содержанию, и лишь немногие из них сохранили сейчас некоторый исторический интерес. Печатаем здесь, вместе с заключительной ремаркой генерала

всеподданнейшую записку наместника кн. Барятинского на имя имп. Александра II-го, которая касается кавказских мусульман. Этот документ, представляющий собою смесь странной наивности и политического коварства, несомненно интересен хотя бы в качестве своеобразного исторического курьеза. Впрочем, в нем есть и довольно искренние и характерные признания. Кроме того он в значительной мере определил дальнейшую политику русского правительства.

Записка наместника.

При вступлении нашем на Кавказ мы застали здесь духовный элемент мусульманский весьма потрясенным в борьбе с другими элементами: ханы, князья, беки, родовые старшины общин — стояли во главе населения и вопреки шарияту властвовали над ним на основании адата, т. е. права, основанного на народных обычаях.

Правительству нашему принадлежало тогда поддержать тот из элементов, который лучше соответствовал нашим политическим видам. Но при ложном, впрочем, человечеству весьма свойственном, стремлении приобрести скорее сочувствие большинства населения, этот предмет не был тогда достаточно глубоко обдуман.

Родовые интересы были пренебрежены нами, и мусульманское духовенство, восстановлено в предположении, что оно лучшее орудие к сближению с массаами, ибо народ всегда проявлял более сочувствия к шарияту, уравнивающему всех, нежели к адату, устанавливающему исключительное влияние и могущество отдельных родовых личностей.

Вот где и были положены первыми представителями нашего правительства те ошибочные начала, из которых родились вскоре потом самые пагубные для нашего владычества последствия, ибо с падением аристократии население, которое до тех пор было раздроблено на отдельные общины и вследствие постоянных раздоров между владельцами их представляло нам полные неудобства для нашего владычества, слилось в одну духовную национальность, чем и дали возможность одному человеку сделаться духовным и светским властителем целого края.

Проповедь войны против неверных загорелась тогда на Кавказе и создано религиозное общество, олицетворившееся в мюридизме.

Таким образом воспаленное против нашего владычества религиозное настроение умов обняло собою весь кавказский хребет, и все покорилось шарияту.

По мере того, как слагалось это национальное единство в горах и с ним могущество власти имамов, мы должны были развивать постепенно наши боевые средства и довести до нынешних громадных размеров, ибо там, где прежде при раздробленности общин и взаимной вражде их между собой мы легко обходились незначительными силами, требуются ныне большие отряды.

Итак, хотя новая система военных действий в последнее время принятая на Кавказе и дает надежду покорения этой страны, но чтобы покорение это было прочно в будущем, надо чтобы вместе с успехами оружия принимались теперь же меры для уничтожения в покоренных

народах и коренного нравственного начала нам враждебного, т. е. мюридизма.

В мюридизме есть не только религиозное учреждение, но и общественный закон, который уравнивая все классы и состояния определяет и права судебные и порядок взимания податей.

Он отвергает законность всякой светской власти и не признает никакого правительства, если во главе его не стоит законный наследник пророка. Одного турецкого султана считает мюридизм законным государем всех магометан.

Шариат, этот краеугольный камень мюридизма, есть суд духовный и в то же время светский, определяющий одинаковые права для всех мусульман. Этим определяется и все неотразимое значение мусульманского духовенства на Кавказе.

Из этого видно, что если опять в связи с военными успехами мы не будем стараться теперь же обессилить самые начала, из которых сложился мюридизм, то должны будем постоянно ожидать, что рано или поздно мюридизм снова, под влиянием того или иного имама, вновь разрушит все наши усилия к умиротворению края.

Чтобы достигнуть этого естественным путем, надобно сперва стремиться к восстановлению высшего сословия там, где сохраняются боле или менее следы его, и создавать его действующим в империи порядком там, где оно не существует.

Таким образом, по мере восстановления дворянства, правительство будет иметь в нем лучшее орудие к ослаблению исламизма, ибо вместе с дворянством начнет сама собою опять возни-

кать и противоположная шариату сила адата, пределы власти шариатского суда сами собою стеснятся вопросами исключительно духовными, а между тем будем мы в учреждаемые нами народные словесные судилища вносить сколь возможно начал гражданских.

Отделяя таким образом эти гражданские начала от начал духовных, легче будет сблизить первые с порядком нашего судопроизводства и вести народ ко всем прочим установлениям нашей гражданственности.

С возобновлением светской власти мусульманское духовенство не может не понизиться нравственно и тем скорее, чем более народ, выходя из под его влияния, будет уклоняться от различных тягостных податей и приношений, установленных шариатом в пользу духовенства. Оно будет беднеть и во всем опускаться.

Духовенство неминуемо сойдет с нынешнего высокого своего положения в обществе и кроме исполнения треб утратит все прочие права и власть.

Но с падением духовенства и с уничтожением гражданских его отношений к народу должны поколебаться у мусульман и самые начала духовные, столь необходимые для человеческой природы, и тогда народ, освободившись от влияния религии, делается тем большим бременем для правительства, чем более он предрасположен к необузданности страстей и к беспорядкам своеволия.

Поэтому надлежит принять теперь же меры, чтобы мусульмане, теряя свои религиозные верования, имели перед глазами другое готовое исповедание, более чистое и более успокоительное для тре-

бования разума и совести, и чтобы невольное сравнение этого исповедания с оставляемым могло при первом же взгляде произвести на ум впечатление бесспорного превосходства.

В этих видах было предложено мною учреждение восстановления православия на Кавказе.

Цель моя была создать средства к достойному восстановлению и сооружению храмов Господних и к образованию и обеспечению хороших проповедников нашей веры.

Теперь взгляд колеблющегося мусульманина на наше духовенство был бы в высшей степени для нас неблагоприятен. Наши священники, за немногими, исключениями, не имеют, к глубокому сожалению, и права на тот почет, который невольно отдается даже нами мусульманскому мулле.

Следовательно, надо прежде всего поставить их, как нравственно, так и материально, в почетное положение.

А потому смею прибегнуть вновь к убедительному ходатайству моему об

учреждении, как можно скорее, общества восстановления христианства на Кавказе на началах мною предположенных.

Ремарка ген. Кундухова.

Понятно, что кн. Барятинский, как православный христианин, желал видеть все храбрые кавказские народы православными, а также по долгу совести и справедливости с пользою восстановить невинно погибшее наичистейшее дворянство и тем сделать возможным вести народ к прочному гражданскому началу и совершенно слить Кавказ с Россией.

Но непонятно, что русский фельдмаршал не знал русского правительства, которое при всех переменах систем никогда не покорялось истине и до сих пор неизменно руководствуясь правом сильного, очень скоро утвердило Крестовоздвиженское Общество на Кавказе.

А дворянство его, напротив того, к стыду России, уничтожено навсегда безвозвратно.

Бог ему судья.

Дело аджарских заправил

25-ГО СЕНТЯБРЯ начался в Батуме процесс группы аджарских заправил, с Лордкипанидзе во главе, обвиненных в разного рода преступлениях, одно перечисление которых, по замыслу большевицкой пропаганды, должно "ужаснуть" "среднего советчика", но, на самом деле, вызовет у него самое боль-

шее, скептическую улыбку: советские "граждане" уже больно привыкли к подобным процессам.

Обвиняемых 11 человек — фатидическое для Берна число: сигнахский процесс тоже орудовал этим числом. Приведем их имена и посты, которые они занимали.

- 1) Закария Дурсунович(!) Лордкипанидзе, "до ареста" — председатель центрального исполнительного комитета Аджаристана, коммунист с 1927 г.;
- 2) Георгий Рамишвили, бывший "зам" председателя ЦИК-а Аджаристана, "до ареста", народный комиссар легкой промышленности Грузии, коммунист с 1917 года;
- 3) Джемал Махмудович(!) Кикава, "до ареста", управляющий Аджарторга, коммунист с 1931 г.;
- 4) Ильяс Исмаилович (как видно, московские "интернационалисты" русифицируют и мусульманские имена) Мегрелидзе, "до ареста", комиссар земледелия Аджаристана, коммунист с 1931 года, член "молодых марксистов" с 1919 года;
- 5) Григорий Лагидзе, член аджарской коллегии защитников, член партии социалистов-федералистов с 1904 г.
- 6) Кязим Хасанович Басиладзе, управляющий Аджарским сельско-хозяйственным банком, коммунист с 1926 г.;
- 7) Сулейман Юсуфович Бежанидзе, председатель Хулинского райисполкома, коммунист с 1931 г.;
- 8) Хасан Юсуфович Дзnelадзе, зам. секретаря Кобулетского райкома, коммунист с 1929 г.;
- 9) Хасан Халифович Чал оглы, председатель правления колхоза сел. Тофалоглеби, бывший комиссар юстиции, беспартийный;
- 10) Осман Реджебович Романадзе, председатель правления колхоза "имени Ежова", села Цхаврока, коммунист с 1932 г.;
- 11) Осман Терджанович Ванадзе, председатель правления колхоза села Ванадзееби, комсомолец с 1930 г.

"По данным предварительного расследования и судебного следствия", Лордкипанидзе, "еще в 1928 г." "в шпионских целях вошел в сношения с представителем разведки одного из иностранных капиталистических государств (не говорится "фашистских"! Прим. ред.) и по его же заданию в 1933 г.", вместе с Кикава, "сформировали и руководили контр-революционной шпионско-повстанческой, террорстической, диверсионно-вредительской (эти сногшибательные определения мы берем из официального акта обвинения. Прим. ред.) организацией в Аджарии".

Остальные обвиняемые, кроме Рамишвили и Лагидзе, состояли членами-исполнителями этой многоликой организации, которая в 1933 г. выделила руководящий ко-т во главе с Лордкипанидзе и Кикава, а комитет то этот "установив связи с изгнанными из Аджарии за границу беками, моллами и кулаками, ставил своей целью, путем вредительства в народном хозяйстве, диверсией, шпионажем, террором и организацией вооруженного восстания, в случае военного нападения капиталистических (здесь также не говорится "фашистских"). Прим. ред.) стран на Советский Союз, — свержение советской власти, восстановление капиталистического строя и отторжение Аджарии от Союза Советских Социалистических Республик для превращения ее в колонию одной из капиталистических стран".

Для осуществления своих целей, комитет якобы вступил в связь с "членом всесоюзного центра контр-революционной троцкистской организации, врагом народа Серебряковым". Это еще не все: комитет вступил в связь также и с

“представителем контр-революционного центра в Грузии, Курдадзе, а затем установил связь с руководством контр-революционной организации **правых** в Грузии, в лице Германа Мгалоблишвили, Шалвы Матикашвили и Тенгиза Жгенти”. Наконец, “по указанию представителя одного из иностранных государств, вступил в связь и в 1936 г. создал блок с отщепенцами контр-революционных троцкистских и **националистическо-фашистских** групп в Батуме”, в лице Рамишвили, “троцкиста”, действовавшего по “непосредственному заданию врага народа Буду Мдивани”, и “фашиста” Лагидзе.

После этих головоломных фраз, рассчитанных на внешний эффект, “дальше уж идут семейные дела” — обвиняемым в “государственной измене” инкриминируют “извращение политики партии в колхозном строительстве”, ведение “подрывной, дезорганизаторской работы в народном хозяйстве, в особенности в колхозах”, торможение “развития сельскохозяйственных культур и животноводства”, “снижение доходности сельского хозяйства”, “поддержка кулачества и духовенства”, “распространение в селах различных контр-революционных сплетен” и пр. и пр.

Тут же даются подробности этой “подрывной работы в колхозах” — в одном месте, “из имеющихся “тозов” сформировали артели, которые потом распались — одна из неудач системы коллективизации, в другом — “густая и частая посадка цитрусовых деревьев”, “недоброкачественное лечение саже-

ний”, “невнесение удобрений”, “мелкая вспашка” и т. д. Одним словом, замечается вся та же картина “успехов” строительства — люди работают без охоты и без внимания, т. к. знают, что не они будут пользоваться плодами их труда, а чужеземные оккупанты и в результате получается брак — “цитрусы” и “сажения” погибают, так же как и скот.

Говорится о “повстанческих группах”, кои организовывались по “заданию” Лордкипанидзе, но были ли конкретные случаи их повстанческой активности, об этом “история умалчивает”.

Тем не менее, 8 из обвиняемых, подuoloюкание большевицкой прессы (**Заря Востока** вела себя точь в точь как **Правда**, во время процесса над троцкистами), были объявлены “врагами народа” и приговорены к расстрелу.

Трое избежали этой участи и приговорены к тюрьме от 8 до 10 лет, это Чал оглы, Дзnelадзе и Ванадзе.

Приговоренные были немедленно расстреляны, приговор будучи “окончательным и обжалованию не подлежащим”.

Тифлисская пресса, встретила “справедливый приговор” чека настоящей свистопляской.

“Стереть с лица земли троцкистско-фашистскую нечисть!” “Спасибо товарищу Ежову!”

Под эти зоологические вопли скоро стрельная сталинская юстиция расстреливает вчерашних верных слуг режима...

Обзор печати

“БУРЖУАЗНЫЕ НАЦИОНАЛИСТЫ”

В ДОПОЛНЕНИЕ к интересной статье Азад-бея “Руссификация под флагом интернационализма”, напечатанной в прошлом номере “Кавказа” приводим весьма знаменательные выдержки из московских “Известий”. Нам уже приходилось отмечать (также в прошлом номере в “Обзоре печати”) доносы “истинно русских” корреспондентов которые по примеру своих дореволюционных собратьев отправляют в центр пространные обвинения местных деятелей дерзающих вместо русской имперской политики и культуры проводить в жизнь собственный “национализм”, именуемый теперь, для усиления вины перед великим социалистическим отечеством — национализмом “буржуазным”. Вина, так сказать, сугубая. Руссификация сейчас торжествует открыто, и московские газеты изо дня в день печатают обширные доносы своих корреспондентов. Достается, разумеется и кавказской “окраине” — это старое слово сейчас вернее определяет сущность взаимоотношений, чем те союзные республики, которые в свое время были провозглашены “всем, всем, всем”... В прошлом номере мы привели выдержки из московской “Правды”, но не отстают, конечно, и “Известия”. Некто И. Шустер возмущается тем, как “орудуют буржуазные националисты в Дагестане”:

В течение долгого времени под бо-

ком у дагестанского обкома партии орудовали и сейчас продолжают орудовать буржуазные националисты. Центром своей “работы” они избрали так называемый Научно-Исследовательский институт национальных культур Дагестана. При прямом содействии и участии директора института — дважды исключавшегося из партии Гаджибекова здесь в свое время свили себе гнездо троцкистско-националистские бандиты Чаринов, Гитинаев, Тлюняев, Шамхалов и другие.

В тесном контакте с троцкистами и буржуазными националистами из Дагестанского наркомпроса они изгоняли из национальных школ русский язык. Вместо доступных, ставших родными каждому трудящемуся горцу русских слов “колхоз”, “партия”, “совет” они навязывали дагестанскому народу арабско-тюркские термины. В соответствии со своими националистическими установками они искажали историю Дагестана и всячески тормозили рост советской литературы Дагестанской республики.

Вокруг Гаджибекова группируются разные путаники в роде Дин-Магомаева, автора вредной галиматии — “романа” “Герои под шубой”.

Гаджибеков по существу развалил Институт национальных культур. Наиболее талантливые научные сотрудники, не добившись опубликования своих исследовательских работ, ушли из

института. В результате в институте теперь не осталось ни одного научного сотрудника.

Странную позицию занимает во всем этом деле дагестанский обком партии и секретарь обкома т. Самурский.

Еще в июне текущего года, выступая на Дагестанской партийной конференции, тов. Самурский указывал, что враги народа развалили Институт национальных культур. Однако до сих пор обком не ликвидировал последствий вредительства и Гаджибеков продолжает руководить институтом.

Это только выдержки из обширной корреспонденции, напечатанной 21 сент. А уже 25-го другой имперский доносчик М. Мезеник распространяется на ту же принципиальную тему еще обильнее. Вот некоторые отрывки:

Социалистическая революция вывела народы Дагестана на широкую дорогу. За семнадцать лет в Советском Дагестане создана крупная промышленность. Построены многочисленные заводы и фабрики. Разведаны недра. Найдены нефть, сера, мышьяк, ртуть. Построена Гергебильская электро-станция, и скоро она зальет электрическим светом сабли горных аулов. Более чем в четыре раза увеличилась посевная площадь. В Дагестане есть все — пшеница и хлопок, виноград и кенаф. В долинах раскинулись богатейшие фруктовые сады.

Дальнейшему процветанию народов Дагестана мешают буржуазные националисты. Замаскировавшись, они всеми силами пытаются затормозить бурный рост социалистического хо-

зяйства и культуры в республике. Буржуазные националисты вкупе с троцкистскими шпионами и диверсантами — Коркмасов, Шовкринский, Астемиров, “литератор” Лелевич — пробрались в руководящие партийные и советские органы. В течение ряда лет они предавали народы многонациональной республики, хотели вернуть власть князьям-помещикам и духовенству.

Немало навредили националисты и троцкисты в области культуры. В звериной ненависти к интернациональному воспитанию трудящихся они фактически запретили на территории Дагестана русский язык, старались дезорганизовать работу учебных заведений, подготовку и рост национальных кадров.

Вражьи гнезда буржуазных националистов и троцкистских шпионов в Дагестане до конца не разгромлены и по сей день. Еще много врагов, притаившись в рядах партии, продолжают свою контр-революционную деятельность.

Даже в бюро обкома партии сумели сохранить свои посты матерые националисты. Председатель Дагестанского ЦИК и член бюро обкома Магомед Далгат — близкий друг разоблаченных врагов Габиева, Ковалева, Коркмасова — всегда считал этих презренных выродков своими “идейными” руководителями. В одном из директивных писем своим приятелям Магомед Далгат писал: “Для всякой работы необходима ударная группа спевшихся работников... У нас существует такая основная группа, возглавляемая Джелалом Коркмасовым”.

В этом письме распоясавшийся Далгат клеветает на горцев Дагестана и, выступая против национальной политики советской власти, призывает собирать контр-революционные кадры буржуазных националистов.

О том что Магомед Далгат вел такую переписку с врагами Советского Союза, знают секретари Дагестанского обкома партии тт. Самурский и Сорокин. Но они всячески покровительствуют этому буржуазному националисту, создают ему дутый авторитет.

Не менее ясна антипартийная физиономия председателя Совнаркома Дагестана и члена бюро обкома Керима Мамедбекова. Он упорно отказывается от борьбы с буржуазными националистами, засорил аппарат наркоматов враждебными элементами.

Гнилая позиция обкома способствует активизации контр-революционного духовенства, действующего по прямым заданиям буржуазных националистов. За последнее время в горных аулах появилось подозрительно много "ученых арабистов". Они распространяют контр - революционную литературу, ведут религиозную работу, агитируют против колхозного строя и советских законов, зовут назад к шарияту, феодальным обычаям. Попутно они шпионят, как агенты иностранных разведок.

Отлично понимая исключительную роль печати в Дагестане, буржуазные националисты усиленно засоряли аппарат издательств и редакций крупных республиканских газет — на русском, аварском и кумыкском языках — темными элементами, бывшими бе-

лыми офицерами, кулацкими и поповскими сыновьями.

Секретарь обкома тов. Самурский располагает всеми материалами о действиях буржуазных националистов. Но он странно, непонятно бездействует. До каких же пор будет терпеть дагестанская партийная организация такое положение?

Это 25-го, а 28-го сентября внимание "Известий" переносится на Осетию. В гор. Орджоникидзе (бывш. Владикавказ) пребывает еще один имперский журналист, представитель все той же великорусской идеи, если не расы, некто А. Семенковер, который и строчит свой длинный очередной донос. Вот некоторые строки по которым можно ясно судить об общем содержании:

В Ирафском районе работал народный судья бывший белогвардейский офицер Галаев. Он выносил приговоры, рассчитанные на то, чтобы озлобить колхозников.

Районная газета разоблачила этого врага. Но брат Галаева является редактором республиканской газеты "Растадзинад". И он облил грязью районную газету.

Пленум обкома партии снял Галаева с поста редактора. Но влиятельные друзья немедленно устроили его заведующим отделом школ горкома партии.

Облисполком, председателем которого является Тогоев, пригласил буржуазного националиста Цаликова, выдвинув его председателем горсовета, а затем наркомфинном.

Свыше двух лет работает в качестве заведующего областным отделом

здравоохранения буржуазный националист Токаев. Он до того распоясался, что назначил заведующим врачебным пунктом, который обслуживает пятитысячное население... санитаря.

В виде наказания Токаева перевели на работу... ответственного секретаря облисполкома. Но после того, как на пленуме обкома партии разоблачили его вражеские проделки, он был снят с работы в облисполкоме. Где же теперь Токаев? Тихо, без шума его снова посадили в обздрав, где он и здравствует.

Народным образованием в Северной Осетии руководит буржуазный националист Хоранов. Недавно этому руководителю сообщили, что директор этой школы Губиев и педагог Батиев зверски избивали детей.

Когда Хоранову подробно рассказали о преступлениях Губиева, этот "руководитель" учинил школьникам форменный допрос в присутствии их истязателей — Губиева и Батиева.

Хоранов нагл потому, что в обкоме и облисполкоме сидят свои люди. А в республиканской газете "Социалистическая Осетия" работает заместителем редактора Тотров, который в обиду буржуазных националистов не даст.

Зорко следят за "окраинами" московские газеты, имеющие всюду на местах верных имперской идеи Шустеров и Семенковеров.

ВЕРНОПОДДАННИЧЕСКИЕ ЧУВСТВА БОСТОНСКИХ АРМЯН

Советские газеты печатают на видном месте следующую телеграмму, при-

сланную на имя Молотова, от имени "совместного заседания армянского комитета помощи Армении и других армянских организаций в Бостоне: "от имени 150 секций, десятков тысяч членов и сочувствующих приветствуем и поздравляем вас, а через вас и весь великий советский народ, с вашими изумительными достижениями и в особенности с самой демократической сталинской конституцией. Мы счастливы и горды тем, что Армения принимает участие в борьбе и победах Советского Союза в качестве равного члена. Советское правительство спасло армянский народ от окончательного уничтожения, подняло его до состояния равенства и открыло ему путь к счастью, культуре, прогрессу. Мы благодарим за все это, а также за отеческую заботу об армянских иммигрантах. Мы счастливы знать, что предатели Советского Союза и всеобщего мира не смогли и не смогут осуществить свои цели, благодаря бдительности советской национально-политики и благодаря крепкой дружбе братских народов. Мы с возмущением узнали, что троцкистские и националистические агенты империалистов стремились оторвать Армению от Советского Союза и сеяли семена ненависти к братским народам.

Долой шпионов и предателей мира, прогресса, демократии!

Да здравствует, великий Советский Союз — передовой боец за дело свободы, прогресса и мира!

Председатель М. Каспарян".

Интересно было бы знать, какие именно побуждения руководили бостонскими армянами при посылке этой заве-

домо лицемерной телеграммы, и как расценивают такой поступок ответственные представители армянской эмиграции и армянских колоний в Европе и в Америке?

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

АТАТУРКА И СОВ. ПОДОЗРЕНИЯ.

Решительно, с тех пор как Турция под руководством своего славного вождя ведет политику соответствующую ее интересам большой державы, свободной и независимой, не допускающей ни малейшего иностранного влияния, Москва пребывает в бешенстве.

В предыдущем номере мы приводили истерические вопли "Известий", советского правительственного органа, по поводу частного мнения г. Юнус-Нади, редактора турецкой газеты "Джумхуриет" о потоплении судов в Средиземном море. Вслед за тем "Известия" пошли походом против другого турецкого журналиста г. Ялман из "Тан", который стремился смягчить гнев Москвы путем успокоительных фраз. "Известия" тоном и словами обычно употребляемыми московской прессой в отношении советских провинциальных журналистов, обвиняют г. Ялмана в неискренности... на том основании, что он не признал формально "виновность" своего коллеги Юнус-Нади...

Недовольство и подозрения советских кругов по отношению независимой политики турецкого правительства сквозят также и в корреспонденциях из Женевы. Так в номере от 14 сентября "Известия" помещают информацию, обвиняющую турецкого министра иностранных дел Русту Араса в том, что это по

его наущению была создана в Женеве специальная комиссия по "Абиссинскому вопросу". Русту Арас, именуемый "Женевским другом Италии" сделал это якобы "чтобы понравиться Риму". И советская газета меланхолично заканчивает словами:

"Стоит вспомнить недавние фазы итало-турецких взаимоотношений, а также возможность посещения итальянским министром иностранных дел Анкары, для того, чтобы признать правильность этой информации".

Изменение в отношениях руководителей турецкой политики к СССР отмечается также в среде иностранной. В статье "Мустафа Ататурк, диктатор-националист", помещенной в "Фронтьер" от 10 октября, г. дю Мениль-Торе, восхваляя великого государственного деятеля Турции, пишет:

"Позиция, занятая некоторыми турецкими журналистами в отношении итало-югославского договора 25 марта и в связи с недавними потоплениями судов в Средиземном море доказывает по меньшей мере, что действительные чувства Мустафы Ататурка в отношении СССР далеко не так дружественны, как хотят это представить".

Автор цитирует сочувственные комментарии турецких газет по поводу названного договора, приводя также инцидент "Известия - Джумхуриет", о котором мы говорили, после чего он возвращается к позиции турецкого делегата на Нионской конференции:

"Если рассматривать роль Балканской Антанты на конференции в Нионе, принимая во внимание влияние Турции, а также исключение СССР из

морского контроля в Средиземном море, становится совершенно ясным, что нынешняя Турция ведет свою собственную, специально турецкую политику, которая нисколько не подчинена политике СССР.

Вполне естественно, что это так. Мустафа Ататурк — националист, который обслуживает исключительно Турцию, — остальное ему безразлично. Тому порукой вся его деятельность”.

Обрисовав величественный образ Ататурка г. дю Мениль-Торе заканчивает следующими соображениями:

“Националист в прошлом, Мустафа Ататурк должен, конечно, оставаться таковым и впредь. Турция им спасена. Она даже значительно улучшила свое положение сравнительно с тем, в каком находилась после подписания Лозанского договора. Прошли, и прочно прошли те времена, когда Турция могла опираться только на союз и поддержку СССР. Турция теперь неотъемлемый член Балканской Антанты, она заключила договор дружбы с Италией, она перестала быть изолированной. В противоположность прежней Оттоманской Империи она больше не “больной человек”. И она вновь приобрела право укрепить Дарданеллы. По своему географическому положению она в праве и в состоянии играть большую роль в конфликтах, возможных между европейскими державами. Если дела осложнятся, то неизбежно, что с разных сторон будут искать дружбу и даже союз с Турцией. И несомненно, что Мустафа Ататурк, как диктатор-

националист, выберет тот путь, который будет наиболее выгоден для Турции”.

“КАЗАЧИЙ ГОЛОС”

Под таким названием вышел в минувшем сентябре новый казачий журнал в Париже. За время существования эмиграции казачие круги издавали много печатных органов. Но среди этих изданий наше внимание привлекали главным образом те органы, которые стали на путь осуществления казачьей независимости. Идея эта имеет глубокие корни в историческом прошлом казачества, и таким образом она, конечно, не беспочвенна.

Журнал “Вольное Казачество”, появившийся в начале 1928 г., в свое время нами приветствовался, его политическая программа была в полном соответствии как с реальными возможностями Казачества, так и с историческими его традициями. Однако скоро “Вольное Казачество” увлекли утопические идеи о великой Казакии. Со страниц “Вольного Казачества” исчезло даже такое историческое и славное имя, как **Дон**, его заменили фантастической “Казакией”, понятием весьма туманным, а само “Вольное Казачество” встало в позу жандарма, угрожающего всем своим соседям.

Ни чем не отличается от “Вольного Казачества” и другой журнал “Казакия”. Оба органа по непонятным причинам раздувают взаимную ненависть, хотя нельзя найти между ними какого либо идейного разногласия.

Новым эхом в казачьей жизни прозвучал журнал “Казачий Голос”. В руководящих статьях за подписью Шамба

Балинова с большой меткостью определены существенные и характерные программные положения, отличающие новый журнал в среде других органов. Шамба Балинов все время стоит на реальной почве и говорит не о проблематической суммарной Казаккии, а об оправдавших уже себя политических образованиях.

Что мы будем делать, какова наша программа? Она проста: будем говорить о праве Казачества на независимую жизнь; готовить свои силы, чтобы в нужный момент Казачество не было обойдено, чтобы оно обрело свою независимость, свое право жить на своей земле так, как ему самому хочется.

Нашим лозунгом будет: благо Казачества — наивысший закон, а нашей целью будет: освобождение Дона и Кубани из под власти Москвы и созыв: на Дону — Донского Круга, на Кубани — Кубанской Рады, как суверенных Учредительных Собраний, над волей которых нет никакой иной высшей воли.

Вопрос о том — будут ли Дон и Кубань и в дальнейшем существовать раздельно или составят Доно-Кубанский Союз, — решают Донской Круг и Кубанская Рада.

Что же касается Калмыцкого народа, то, по нашему, будет лучше, если астраханские и ставропольские калмыки (современная Калмыцкая Республика) присоединились к Дону, вместе с донскими калмыками составив отдельный национально-автономный округ во Всевеликом Войске Донском.

Далее, переходя к взаимоотношениям с соседями, г. Балинов продолжает:

Для успешной борьбы с московскими оккупантами наших земель, необходимо создание единого фронта всех угнетенных народов СССР. Между ними прежде всего должно быть установлено взаимное понимание, полная солидарность.

Наше отношение в будущем с кавказцами мы намерены строить на букве и духе “договора дружбы” заключенного в 1919 году между самостоятельной Кубанью и Горцами Северного Кавказа и освященного кровью казачьего патриота Кулабухова.

Наше отношение с другой нашей соседкой — Украиной — тоже должно строиться на базе договора, заключенного в 1918 году между независимым Доном и независимой Украиной.

В другой статье г. Балинов дает вполне основательную отповедь мегаломании “походного атамана” Билого:

Я хотел бы, чтобы была сильная, великая Казаккия, но я полагаю, что в таком размере она трудно осуществима.

Наметить цель, выработать программу, начертать карту и разводить демагогию дело самое легкое, но в наших условиях самое трудное — ощущать живую действительность, выбрать правильный способ действия и найти верный путь, ведущий к родным берегам.

Он вновь настаивает в вопросе о соседях:

Надо иметь тесный деловой контакт с представителями всех угнетен-

ных народов СССР, стремиться к единому фронту всех против общего северного противника. Без такого единого фронта мало шансов на освобождение.

Если не будет найден общий язык с соседями, если эти народы в ответственный час будут также враждебны к Кавказу, как теперь к Билевской Кавказии, то (это мое убеждение) трудно надеяться на успех. Борьбу на ее стороне Кавказ не выдержит. Очень легко и быстро, при этих условиях, Россия наложит на него свою тяжелую лапу.

Нельзя не согласиться с основатель-

ностью и серьезностью таких рассуждений. Вообще гораздо легче безответственно сулить "золотые горы", чем возвращать к действительности. Для этого необходимо и мужество, и чувство долга, что и проявляет г. Балинов.

Среди стихотворений, напечатанных в новом журнале нельзя не отметить прекрасных строк молодого поэта Николая Келина, полных искренности и звучных по форме. Вот, напр., одна из строф:

Мы наводнили целый свет,
Мы скорбь по миру расплескали,
За нами стынет страшный след
Из дыма, пороха и стали...

ХРОНИКА

«ВЕПХИС ТКАОСАНИ» НА АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Группа азербайджанских поэтов заканчивает перевод на азербайджанский язык поэмы Шота Руставели «Вепхис ткаосани» («Витязь в барсовой шкуре»). Переведено уже 5.000 строк. Перевод закончится к 15 сентября.

В ОССОАВИАХИМЕ ГРУЗИИ.

«Врагом народа» оказался также Георгадзе, председатель грузинского Оссоавиахима. По этому поводу «Заря Востока» говорит:

«Меразавец Георгадзе и другие враги народа, орудовавшие в центральном совете Оссоавиахима Грузии, умышленно срывали вы-

полнение указаний партии о ликвидации организационной распухлости в Оссоавиахиме»...

Разумеется, «враги народа»... «разоблачены» и... ликвидированы.

Поймите как хотите.

НОВОЕ О ШАМИЛЕ.

В начале августа в Гунибский и Хунзахский районы выезжала этнографическая экспедиция государственного исторического музея. На днях экспедиция вернулась в Москву, с довольно богатым историческим материалом. В числе документов о Шамиле собрано, в частности, более 70-ти его писем, распоряжений и пр.

В ауле Сограшль найдена металлическая печать имама. На одной стороне ее выгравированы буквы «Ш. А.», на другой — арабский текст: «Действительно от Шамиля».

АЗЕРБАЙДЖАН.

— За «буржуазно - националистическую и вредительскую работу, направленную на срыв мероприятий партии и правительства», свят с работы и привлечен к ответственности Шеймур Гусейнов, член президиума Бакинского совета и заведующий БОНО, что означает: Бакинский отдел народного образования. За ним уже укоренился титул «вредителя» и «врага народа».

— Приказом Багановича, нового наркома тяжелой промышленности, начальником главного управления нефтяной промышленности назначен Искендеров, бывший управляющий треста Азнефтьзаводы. Это кажется первый случай, когда на этот пост назначается «туземец».

— В Закталах убит комсомолец Мамед Расул Казиев и ранен его однопартиец Гафсиев. Убийца — председатель колхоза Элайрыдис, Али Буштиев, на которого не раз доносили молодые коммунисты. В Завонетах (Завнегур) убит председатель колхоза Сафаров, комсомолец, любивший «выявлять» «врагов колхоза». На Зыхе ранен председатель сельсовета, Рамазан Гайдар и Перивердиева, председательница женского клуба, которые через чур настойчиво приглашали мусульманок на рабочие собрания.

ГРУЗИЯ.

— 12 сентября состоялось открытие обелиска, воздвигнутого на месте где 30 лет назад был убит грузинский писатель, князь Илья Чавчавадзе. Обелиск имеет 15 метров высоты

и сделан по проекту архитектора Шавишвили, из айрумского андезита.

— 17 сентября состоялся V-й пленум ЦК комсомола Грузии, на котором принимали участие и секретари обкомов, горкомов и райкомов, во главе с Берия. В результате, после сессии на «вредительство» «врагов народа», проникших в организацию, секретарь Мгеладзе был «ремерсье», и на его место «выбран» Чануквадзе, третьим — г-жа Бирвадзе.

ДАГЕСТАН.

— По решению Наркомтяжпрома, трест Дагестанская нефть («Дагнефть») из'ят из ведения Грознефтькомбината и подчинен непосредственно Главнефти. Передача эта мотивируется необходимостью возможно быстрее освоить богатейшие нефтяные месторождения Дагестана. «Дагнефть» «имеет возможность» теперь давать не менее 1.100 тонн нефти в сутки.

— С тех пор, как Коркмасов оказался «врагом народа», сов. власть стремится изгнать из Дагестана все что напоминает это имя. Поэтому-то Коркмаскала с районом переименован в Сергокала. Таким образом, выиграл Серге.. благо что он больше не сможет вредить.

— «Разоблачен» Ибрагимов, секретарь сельхозбанка, за то, что он поддерживал с «фашистом» Коркмасовым хорошие отношения до «последнего времени», т. е. до его «ликвидации». Если бы «разоблаченный» имел бы вообще возможность возражать на официальные обвинения, он бы мог сказать: «Так позвольте, господа, кто же из вас не поддерживал хороших отношений со всемогущим большевиком Коркмасовым, пока он был у власти?» Но, как известно, сов. граждане, несмотря на «сталинскую демократию», не имеют права ответа по «личному вопросу».

— Решением Дагестанского обл. исполкома. Нажмуддин Самурский, а не Эфендиев, секретарь вышеназванного комитета отстранен от своей должности. Мотивировкой этого решения послужила статья, появившаяся в Правде, за следующим названием: «Гнилая позиция Дагоблкома», где Самурский обвинялся в недостатке энергии по «выкорчеванию» местных «буржуазных националистов» (см. Обзор Печати).

Недостаточно, мол, выдал Москве дагестанской интеллигенции. Мавр сделал свое дело...

Такая же точно история случилась с пресловутым Икрамовым (Акмаз-«ага»), секретарем узбекского центрального комитета большевиков: после того как Москва заставила его «выкорчевать» Ходжаевых и других местных «буржуазных националистов» — писателей, лингвистов, филологов и т. д., она «выкорчевала» его самого за недостаточную энергию в борьбе против своего народа: Икрамов, после стольких лет «сверной» службы Москве, выброшен из партии и наверное сидит где нибудь в Чека, в ожидании своей участи.

Библиография

ДРЕВНЯЯ АРМЯНСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Ив. Джавахишвили. Книга I. Издательство Государственного Университета. Тифлис. 1935. I—XV—216. (На грузинском языке).

Грузинский ученый высоко расценивает литературное наследство армянских историков, интересовавшихся событиями не только своей родной страны, но и других стран и народов. Европейская наука давно обратила внимание на древних армянских историков и приступила к изучению даваемого ими материала. Еще знаменитый Броссе почерпнул у них сведения о Грузии и привел во французском переводе в своих сочинениях. Но самые большие заслуги перед армянской историографией имеет Альфред фон-Гутшмид. Проф. Патканян также трудился над материалом армянских историков, касающимся других народов, напр. монголов, но для самой арм.

истории сделал мало: издал только некоторые тексты. Вообще армянская историческая литература должным образом все еще не изучена. Не разрешено много основных вопросов о целях и методах армянских историков. Существуют ценные отдельные монографии, но общей армянской критически проверенной истории пока нет.

Изучать армянские древние исторические материалы И. Джавахишвили стал еще в 1901-02 г. г. в Берлине, куда он был командирован петербургским университетом. С осени 1902 года он начал чтение лекций на восточном факультете этого университета (регулярно собственно с января 1903) и продолжал до того времени, как Н. Адони приступил к чтению лекций по армянской истории. После этого И. Джавахишвили посвятил себя всецело изучению Грузии.

Некоторые его монографии тогда же были изданы. Часть трудов его погибла во время российской революции на пути из Петербурга в Тифлис вместе с ценной библиотекой. Только в 1918 году почтенный ученый снова принялся за изучение армянской истории. К 1925 году была им закончена I часть Обозрения арм. истор. литературы, которая в том же году в виде докладов прочитана была на трех заседаниях Грузинского исторического и этнографического общества. Исследователь обещает в будущем опубликовать другие части своей работы в этой области, касающиеся еще более важных памятников.

Впрочем, обычаю начинать обозрение арм. истор. литературы с рассмотрения изустных преданий, создания алфавита, переводов, затем сочинений Агафангела, Корвина и Фаустоса Византийского, — обычая, которому следуют обозреватели арм. истор. литературы, И. Джавахишвили начинает как раз с мартирологической, агнографической литературы, на которую так мало внимания обращалось до сих пор в опубликованных обозрениях. Арм. истор. литература зародилась в лоне христ. церкви и потому агнографические произведения являются ее старейшей и простейшей формой. С этой первой ступени и надо начинать исследование.

В рецензируемом труде рассмотрены памятники, касающиеся главных вопросов старейшего периода армянской церковной истории. В них описаны обстоятельства, сопровождавшие распространение христианства в Армении, мученические подвиги первых последователей. Затем сделана расценка памятников, повествующих о подвижничестве первых и главных пустынножителей в Армении, а в конце исследования автор беседует о произведении, трактующем о за-

рождении армянской письменности и духовной литературы. Критическое рассмотрение всех поименованных документов приводит исследователя к выводу, что ни один из них не дошел до нас в его первоначальном виде. Лучшее всех сохранился текст мартиролога Григория Маначира. Больше всего фальсификация коснулась памятников, трактующих об обращении в христианство Армении, о зачатии армянской письменности и переводе Свящ. Писания. Вдумчивое изучение памятника об обращении армян в христианство приводит историка к заключению, что принятие армянами христианства во времена их царя Трдата вовсе не связано с именем Григория, и что последний лишь со второй половины V века признан просветителем. Памятник этот — житие Григория Просветителя на армянском языке, составителем которого является Агафангел. Кроме армянского текста изданы тексты того же Жития, составленные на греч., груз. и арабском языках. В груз. переводе более, чем в остальных версиях сохранился первоначальный текст памятника. Разбору Жития в его различных видах посвятили себя упомянутый выше Гутшмид, арм. историк Галуст Тер-Мкртичиан, академик Н. Марр, Штильтинг, Виктор Ланглюа, Поль де Лагард, Леон Меликсет-бек и др. И. Джавахишвили детально разбирает утверждения и мнения всех названных лиц, принимая обоснованное и отбрасывая другое. Он приходит к выводу, что история Агафангела полна анахронизмов и ошибок и что потому необходимо руководиться из сведениями, находящимися в исторических памятниках соседних с армянами народностей и в армянской КНИГЕ ЭПИСТОЛЭ. Грузинский историк согласен с мнением, высказанным до него, что вначале Григорий был Просветителем только малой части, из-

вестной под названием ВЕЛИКОЙ АРМЕНИИ. Руководители армянской церкви стали распространять, очевидно, в политических целях, что Григорий — Просветитель и других стран. По арабской версии он просветил также Грузию, Албанию и даже весь Кавказ. Это удостоверяет и арм. историк Моисей Хоренский. Эта теория окончательно оформилась в III веке. Из переписки между арм. католиком Абрамом и груз. католиком Кирилоном 1-ым усматривается, что ее признавала и груз. церковь. В это время считалось, что Григорий вышел из Иерусалима. Вообще все связанное с распространением христианства в восточных странах приурочивалось тогда к Иерусалиму. Даже Просветительница Грузии, как сказано, в шатбердском списке Жития св. Нино, означена племянницей иерусалимского патриарха. Обращение албанцев в христианство по албанским источникам совершилось при помощи Святого Города. Это так называемая иерусалимская теория, по которой в Армению для просвещения ушел из Иерусалима апостол Фаддей, а в Албанию — его ученик (Елиша. Апостол Фаддей и его ученики по этой теории явились основателями соседних церквей. Теория эта была создана в интересах армян. Имелось в виду связать крепкими узами сирию-персидскую, армянскую, грузинскую и албанскую церкви в противовес северо-восточной греческой (юго-восток против северо-востока). Создатели этой теории использовали еще в начале IV века упомянутое Евсевием Кессарийским сказание о деятельности апостолов Фаддея и Фомы в Эдесе (Сирии), а также апокрифические книги о путешествии апостолов. Позже в целях независимости в церковном отношении Албании, в албанский памятник внесено было, что церковь албанская была основана са-

мим братом Иисуса Христа Яковом Апостолом с благословения иерусалимского патриарха. Теория о Фаддее — более ранняя нежели теория о Григории Просветителе Армении. Но апостолы Фаддей и Фома вовсе не погребены в Эдесе, теория была отвергнута армянской церковью и в памятнике всюду Фаддей заменен был Григорием. Тогдашние армяне-монофизиты боролись с распространявшимся несторианством и потому тем легче отвергли Фаддея, что он считался основателем несторианской церкви. Но против армян-монофизитов поднялись армяне-диофизиты халкедониты и утвердив влияние, захотели внести с своей стороны для сближения с греками с политической целью соответствующее конъюнктуре изменение в тот же памятник. Григорий Просветитель происходит уже из Греции: Каппадокия Палестинская заменяется Каппадокией Кессарийской. Создается таким образом кессарийская (греческая) теория, которая охватывает опять весь Кавказ. Но в конце концов в Армении берет верх монофизитство. Она отходит от православия окончательно в 726 г. Соответственно происходят новые изменения в том же памятнике. Но армянское монофизитское направление не смогло целиком видоизменить кессарийскую редакцию и сочло для своих национально-религиозных интересов необходимым ограничить поприще деятельности Григория одной Арменией. Таким образом столь важный для истории Армении документ подвергался неоднократным переделкам, вследствие чего крайне трудно восстановить его первоначальную редакцию.

В истории изобретения армянского алфавита и зачатия письменности — аналогичная картина. Эта история зиждется на

сочинении Корвина, существующем в двух редакциях — обширной и малой. Оно исследовано арм. историками Норайром, Галустом Тер-Мкртичианом, Месропом Тер-Мовсисяном и др. Норайр обширный вариант считает подлинным, а краткий нет. Личность Корвина не выяснена. Г. Тер-Мкртичиан его и Агафангела считает одним и тем же лицом (Агафангел псевдоним Корвина), но в защиту своей гипотезы не приводит убедительных доводов. Сам Корвин называет себя епископом груз. церкви, но это не подтверждается груз. историей. В обширном варианте говорится о деятельности Маштоца, имя Месроп упоминается только в заголовке; в малой же редакции речь идет лишь о Месропе, что указывает на позднейшую переделку. Для груз. исследователя является очевидным, что рассказчик о жизни Маштоца жил в то время, когда арм. алфавит был окончательно сформирован. Таким образом Корвин никоим образом не может считаться современником Маштоца-Месропа. Сочинение же ему приписываемое подвергалось много раз переделкам. В эпоху фило-сирийской теории оно носило один характер, во времена грекофильства другой, в эпоху окончательного утверждения монофизитства — третий. В последней национальной редак-

ции жития Месропа со стороны переделывателей, заметно неудачное стремление затушевать сирийско-греческие особенности. Таким образом каждое политико-религиозное направление долгом своим считало в целях борьбы переделывать в свою пользу сведения начальной эпохи христианства в Армении. Поэтому появились в дошедших до нас памятниках трудно примиримые противоречия. И в груз. истории отмечены факты уничтожения неугодных сведений: груз. католикос Микел сжег груз. манихейские литературные памятники, исчезли так же все следы в Грузии арианства, несторианства, монофизитства и др. Иван Джавахишвили полагает, что все внимание историков должно быть направлено на изучение просто и откровенно написанных житий мучеников и палимпсестов. Быть может в них отыщутся следы некоторых уничтоженных памятников. Мы старались отметить наиболее существенное в прекрасно аргументированном исследовании грузинского неутомимого историка. Перевод этой работы с грузинского на главные языки мира значительно способствовал бы освещению исторических взаимоотношений и ныне продолжающих борьбу за свободу народностей Ближнего Востока.

Гр. Диасамидзе.